

АНТОНЕЛЛА КОРСАНИ

Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм

Информация к размышлению
об отношениях между капиталом,
знанием и жизнью

В КОГНИТИВНОМ КАПИТАЛИЗМЕ¹

Не образуя законченной теории, подход с позиций когнитивного капитализма, объединяющий теперь целый ряд исследователей², является гипотезой для понимания мутаций современного капитализма, соответствующих переходу к новому этапу капитализма, для характеристики которого как раз и используется термин «когнитивный капитализм». Наряду с различиями и разногласиями, имеющимися между исследователями, всем им общи две концепции: все они видят в когнитивном капитализме мутацию не менее важную, чем переход от торгового к промышленному

¹ Специально для *Логоса*.

² См. особенно: «Nouvelle économie politique» (dir. A. Corsani), *Multitudes* 2 (2000); Ch. Azaïs, A. Corsani, P. Dieuaide (éds), *Vers un capitalisme cognitif*, L'Harmattan 2001; A. Corsani, P. Dieuaide, Y. Moulier Boutang, B. Paulré, C. Vercellone, "Le capitalisme cognitif comme sortie de la crise du capitalisme industriel : un programme de recherche", *Actes du Forum de la Régulation* 2001; M. Lazzarato, *Puissance de l'invention*, *Les Empêcheurs de penser en rond* 2002; Y. Moulier Boutang (ed.) *L'età del capitalismo cognitivo*, Ombrecorte 2002; C. Vercellone (éd), *Sommus-nous sortis du capitalisme industriel? La Dispute* 2003; M. Lazzarato, *Les révolutions du capitalisme*, *Les Empêcheurs de penser en rond* 2004; A. Corsani, Y. Moulier Boutang e.a., *Capitalismo Cognitivo, propiedad intelectual y creacion colectiva*, *Mapas* 2004; C. Vercellone (ed.), *Conoscenza e finanza nell'epoca postfordista*, *Manifestolibri* 2006

капитализму, и все они считают знание основой этой новой формы капитализма. В данной статье мы ставим целью раскрыть новое отношение между капиталом, знанием и жизнью как одну из главных метаморфоз и вместе с тем одну из основных напряженностей, свойственных когнитивному капитализму.

Я считаю, что на новой, когнитивной фазе капитализм преобразует отношение капитал-труд в отношение капитал-жизнь³. Мы имеем здесь дело с капиталистическим накоплением, которое отныне основывается уже не только на эксплуатации труда в индустриальном смысле, но и на эксплуатации знания, жизни, здоровья, свободного времени, культуры, межличностных отношений (включающих общение, социализацию, сексуальность), воображаемого, образования, среды обитания и т. д. Объектами купли-продажи уже являются не только материальные и нематериальные блага, но и формы жизни, коммуникации, стандарты социализации, образования, восприятия, места проживания, транспорта и т. д. Стремительное развитие сферы услуг напрямую связано с этой эволюцией; я имею в виду далеко не только промышленные услуги, но прежде всего механизмы, организующие и контролирующие «формы жизни». В условиях современного капитализма, с характерным для него бумом сферы услуг (образование, культура, исследования, информация, коммуникация, индивидуальные услуги), теоретическое разделение между производством (товаров) и воспроизводством (биологической и социальной жизни) становится несущественным, а то и несостоятельным. Производство и воспроизводство дополняют друг друга, переплетаются, границы между ними стираются. Говоря о мутациях в современной экономике, Сара Онгаро употребляла термин «производственное воспроизводство»⁴. Несколько иначе вопросы о переменах в отношениях между экономикой, капиталом и жизнью рассматриваются другими экономистами, в частности, Робером Буайе⁵ и Кристианом Марацци⁶, которые говорят о возникновении «антропогенной» модели, а именно модели создания человека человеком. Каушик С. Раджан предлагает термин «биокапитализм», имея в виду то центральное положение, которое заняли в нем науки о жизни⁷. Он анализирует в глобальном масштабе процессы со-производства научного и социального, наук о жизни и режимов экономической политики. В перемещении капитала в сферу наук о жизни он видит явный знак новой фазы капитализма.

³ A. Corsani & M. Lazzarato, “Le revenu garanti comme processus constituant”, *Multitudes* 10 (2002).

⁴ S. Ongaro, *Le donne e la globalizzazione. Domande di genere all'economia globale della riproduzione*, Ribbettino 2001.

⁵ R. Boyer, *Croissance début de siècle. De l'octet au gène*, Albin Michel 2002 и “Aux sources de la croissance, l'exemple américain”, *Cahiers Français*, 323 (2004).

⁶ Ch. Marazzi, “L'amortissement du corps-machine”, *Multitudes* 27 (2007). См. в этом номере *Logosca*.

⁷ K. Rajan, *Biocapital. The Constitution of Postgenomic Life*, Duke UP 2006.

Опираясь на эти работы, в первой части статьи я рассмотрю когнитивный капитализм как фазу реального подчинения биотехнонауки, отныне ориентированной на производство жизни, капиталу. Во второй части я проанализирую кризис кейнсианства и развитие неолиберальной политики как факторы, объясняющие мутации современного капитализма. Кейнсианская политика (прежде всего, в социальной сфере и в коллективном потреблении), сделала возможным в некотором смысле «автономизацию социального»: условия репродукции жизни (биологической и социальной) освободились от экономического и трудового принуждения (что выразилось, например, в доступе к системе здравоохранения, образования, культуры...), тогда как неолиберальная политика, проводимая с 1980-х гг., стремится снова подчинить экономической логике эти сферы человеческой деятельности, а заодно и весь спектр (в значительной степени национализированных) отраслей, таких, например, как научные исследования.

I. Гипотеза о когнитивном капитализме

Подход с позиций когнитивного капитализма не сводится к понятию «экономики знания». Напомню очевидное: с концептуальной точки зрения, между понятиями капитализма и экономики нет семантического тождества. Несводимость одного к другому вытекает хотя бы из того, что капитализмом мы называем социальную систему производства, основанную на частной собственности и на рыночной свободе, становление которой происходит в определенную историческую эпоху и в определенном месте – в Европе XVII века. Нельзя поэтому вести речь об абстрактной и внеисторической форме экономики. Анализ капитализма включает в себя рассмотрение социальных отношений производства и обмена, если под капитализмом понимать, как это делает Маркс, исторически обусловленный способ производства, характеризующийся определенным развитием привлекаемых им производительных сил и специфическими социальными отношениями производства. Экономические и институциональные аспекты, таким образом, неразделимы, но и не сводимы друг к другу: здесь имеется в виду не установление способа функционирования так называемых естественных законов, но институциональные схемы, способствующие или препятствующие развитию социально-экономических отношений. Нет никакой «природы», зато есть «история». Подход с позиций когнитивного капитализма стремится проследить становление современного капитализма, воспроизводя его многоуровневую структуру и учитывая многообразие исторических фактов и местные институциональные решения.

Сколь глобальной ни была бы эта тема, анализ капитализма осуществляется нами из определенной точки: из Франции, а еще точнее, из Парижа. Что предполагает, что анализ будет частичным. Признание ограниченности подхода ни в коем случае не умаляет объективной досто-

верности анализа, а, скорее, напротив, выступает эпистемологическим принципом, обязательным для критического анализа системы, которая, хотя и рассматривается в совокупности, но варьируется в зависимости от места. Таким образом критическая теория когнитивного капитализма требует привлечения *локальных знаний* (*situated knowledges, savoirs situés*)⁸.

*Когнитивный капитализм,
исторически и территориально детерминированный
способ производства*

Если подходить с позиций марксизма, понятие капитала должно рассматриваться в трех измерениях.

1. Капитал как совокупность средств производства. Капитализм характеризуется разделением труда и средств производства (работник отделен от средств производства и продуктов своего труда) и частной собственностью на эти средства производства. Различные правовые режимы, ведающие частной и коллективной (общественной) собственностью капитала как средств производства, могут оформляться в разнообразные конфигурации. В когнитивном капитализме (я еще вернусь к этому в последней части статьи) вопрос об интеллектуальной собственности приобретает очень важное значение, впрочем, как и приватизация сектора услуг, относящихся к биологической и социальной жизни. Это приводит к появлению того, что я называю «частной собственностью на средства жизни».
2. Капитал как денежная масса, и логика капитала состоит в повышении ее стоимости на рынках и в ее накоплении. Рынок и инстанции, его регулирующие, а также денежные и финансовые институты могут принимать различные формы во времени и пространстве. Процессы финансиаризации, происходящие в течение последних

⁸ Концепт «локальных знаний» возник на скрещении феминистской критики эпистемологии и фуколдианской критики знания/власти. Я понимаю его как радикальную альтернативу претензии на позицию всевидящего божественного ока, мешающей и общению, и производству знания, зато чреватой разнообразными идеологиями. Политика локальных знаний может служить и ответом релятивизму или цинизму, присутствующему в некоторых постмодернистских позициях (напр., у Бруно Латура). По поводу локальных знаний, Донна Харауэй пишет: «Мы должны учиться через наши тела, наделенные цветным и стереоскопическим видением, соединять объективность с нашими теоретическими и политическими сканерами и называть то, где мы находимся, а где — нет (а это такие измерения умственного и физического пространства, для которого у нас даже нет слов). Так [...] объективность оказывается связанной с особым и специфическим воплощением [embodiment], а вовсе не с ложным видением, обещающим трансцендирование любых пределов и любой ответственности.» D. Haraway, «Situated Knowledges», in *The Science Question in Feminism*, 1991.

двадцати лет, в глобальном масштабе взаимодействуют с процессами «дематериализации» основного капитала, свойственными когнитивному капитализму. Но они предполагают также и то, что не совсем строго можно назвать «приватизацией валюты»⁹ — новый тип отношений между государством и валютно-финансовыми институтами, намечающийся со времени принятия политического курса, вдохновленного монетаристскими теориями. Связь между интеллектуальной собственностью, нематериальными активами и финансиаризацией активов является еще не вполне изученной характеристикой когнитивного капитализма.

3. Наконец, капитал как социальное отношение производства, преобладающей формой которого становится, в западных экономиках и начиная с XIX века, свободный наемный труд. Способы привлечения к труду, разделения труда¹⁰, а также воспроизводства условий существования наемных рабочих, не являются неизменными величинами в истории и создаются в результате взаимодействия институтов, их регулирующих, с конфликтами, их оспаривающими. Трудовое и социальное право, статус коллективного потребления (здравоохранение, образование, культура) играют решающую роль в структуре отношений наемного труда.

Таким образом, капитал как социальное отношение производства является сложной формой, которую нельзя рассматривать только с экономической стороны. Капитализм — это исторический процесс, не сводимый к экономической форме, претендующей на «чистоту» и независимость от институциональных форм регуляции социальных отношений производства и товарообмена. Экономическое и институциональное соединяются, дополняя друг друга, взаимодействуя, что приводит к появлению каждый раз новых пространственно-временных образований. Существует не один, а множество капитализмов, каждому из которых свойственны свои конфликты и напряженности. Необходимо через призму этих конфликтов и проблем увидеть мутации и метаморфозы сегодняшнего капитализма в экономико-институциональном плане и в его глобальных и локальных очертаниях. Гипотеза когнитивного капитализма не должна привести к некоторому «прогрессистскому» прочтению, к некоей естественной и детерминистской истории капитала. Но вопрос стоит не о том, лучше он или хуже других форм капитализма, а о том, чтобы понять его мутации и значение, смысл и возможности становления.

⁹ A. Corsani & Ch. Marazzi, “Conversation sur le biorevenu et sur la resocialisation de la monnaie”, *Multitudes* 27 (2007).

¹⁰ R. Herrera & C. Vercellone, “Transformations de la division du travail et general intellect” in C. Vercellone (dir.), *Sommes-nous sortis du capitalisme industriel?* La Dispute, 2003.

*Наука и капитал:
реальное подчинение «биотехнонауки»*

Определение «когнитивный», приложенное к капитализму, не должно восприниматься в смысле когнитивных наук и когнитивизма. Оно просто подчеркивает центральный характер знания на новом этапе развития капитализма. Конечно, важная роль научного знания в накоплении капитала не является новшеством: уже переход от торгового и мануфактурного капитализма к капитализму был бы немислим без завязавшихся еще в XVIII веке тесных отношений между наукой и товарным производством. В основе того, что историки называют промышленной революцией, лежат наука и капитал. Следовательно, надлежит еще уточнить связь между наукой и капиталом в новейшем капитализме и обосновать его определение как когнитивного.

Связь между накоплением (научных) знаний и накоплением капитала Маркс анализировал в рамках теории эксплуатации (и трудовой теории стоимости как закона прибавочной стоимости) и в перспективе анализа исторической динамики капитализма. В силу зависимого положения науки логика капитала позволяет беспрецедентное развитие производственных сил. По Марксу, капитализм способствовал развитию науки, и не только науки как абстрактного знания природы, но и в своем применении (технологии), приведшем к исключительному ускорению технического прогресса. На том этапе капитализма, который Маркс определяет как *реальное подчинение*, капитал непосредственно подчиняет трудовой процесс «производству товаров товарами»; однако он лишь *формально* подчиняет трудовой процесс в сфере «производства знаний знаниями». Сфера производства знаний и сфера производства товаров остаются разделенными, производство знаний остается вне поля прямой деятельности капитала, хотя он и может косвенно задавать их содержание. Знания производятся в «других местах», за пределами фабрики, и Маркс их не рассматривает.

Марксов анализ основывался на концептуальном разделении между наукой и технологией, но следует иметь в виду, что его концепция технического прогресса, сложившаяся под влиянием гуманистических идей эпохи Просвещения, вполне вписывалась в господствовавшие тогда представления об отношениях между человеком и природой, природой и культурой, отношениях, основанных на разделении между ними. Когда Маркс говорит о техническом прогрессе и развитии производственных сил, он имеет в виду знания, способные изменить соотношение человек-природа посредством усложнения орудий производства, включающих в себя и знания. Другими словами, знания, произведенные в системе «производства знаний знаниями» (наукой, которая подчинена только формально), проникают в систему «производства товаров товарами» через технологию, в форме машин. Так они оказываются воплощенными в орудия производства, в основной капитал.

Это ясно прочитывается на тех страницах *Экономических рукописей*, где Маркс рассуждает о развитии производственных сил и об утверждении general intellect (всеобщий интеллект):

Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание [Wissen, knowledge] превратилось в *непосредственную производительную силу*, и отсюда — показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта [general intellect] и преобразованы в соответствии с ним¹¹.

Однако Маркс и представить себе не мог произошедшего с тех пор перемещения науки и капитала в сторону самого жизненного процесса общества: сами условия этого процесса переходят под контроль капитала. Это перемещение к настоящему моменту еще не завершено, оно продолжается, существует в виде напряженности. Вызванные им проблемы тоже, разумеется, еще не решены. Впрочем, в историческом развитии нет и не может быть никакого детерминизма, способного указать нам, в каком направлении будут преодолены конфликты. Именно это перемещение я попытаюсь охарактеризовать как один из элементов перехода к когнитивному капитализму, и отталкиваясь я буду от проблемы *невоплощенности* [non-incorporation] знания.

Имеется в виду, что с приходом новых информационных и коммуникационных технологий знания начинают циркулировать отдельно как от машины, так и от работника. Эти новые перспективы таят в себе как невиданные ресурсы эмансипации, так и гигантские возможности контроля над индивидами. Издержки на воспроизводство «невоплощенных» знаний приближаются к нулю. Отсюда новейшие стратегии, заключающиеся в том, чтобы не обременять себя мощными машинами, а продавать собственно знания. Так информатика все больше стремится избавиться от машин и торговать непосредственно «услугами» или же software. Сходным образом фармацевтика ищет возможности больше не производить лекарства, а продавать «принцип действия». В итоге расходы на исследования снижаются, становясь в конечном итоге смехотворно малыми по сравнению с затратами на рекламу¹². Другой симптом: снижение инновации при росте количества патентов. Контроль над знанием может в пределе привести к возможности принятия решений о предоставлении — или нет — права на жизнь. Фармацевтика, например, предпочитает борьбе с тропическими болезнями исследования в области омоложения. В этом, собственно, и состоит главное новшество: существенные в когнитивном капитализме знания относятся к орудиям не производства, а воспроизводства биологической и социальной жизни.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 2, с. 215.

¹² См. работы Ph. Pignarre.

Проблема невоплощенности знания поднималась уже в наших (с Э. Руллани) первых размышлениях о когнитивном капитализме¹³, где ставился вопрос о мутациях, вызванных новыми технологиями. Т. наз. «информационная революция», по мнению целого ряда авторов, радикально изменила ситуацию: вопрос об отношении науки и капитала теперь встает в терминах невоплощенности знаний в основном и переменном (труд) капиталах. По-настоящему новым в развитии капитализма не является ни информационная революция, ни, тем более, беспрецедентное развитие производительных сил (которое даже Маркс ошибочно считал нейтральным по отношению к культуре). Если развитие цифровых технологий можно рассматривать как средство, способствующее обращению знаний (научных, технических, культурных, художественных), не воплощенных ни в каких материальных носителях (машине или человеку), то смысл этой «невоплощенности» отнюдь не исчерпывается технологией, якобы оторванной от культурной и социальной сфер жизни, как если бы она была мыслима как область, независимая от политики и общества. Впрочем, она и не предполагает исчезновения ни механического капитала, ни живого тела коллективного работника. Каков тогда смысл идеи «невоплощенности»? Что она дает для характеристики современного капитализма?

Под знаниями в когнитивном капитализме понимаются не только непосредственные знания человека или те, что воплощены в его орудиях производства (в марксовской терминологии, в основном капитале). Отношения между наукой, техникой и промышленностью не просто не строятся линейно: что более существенно, отношение между накоплением знаний и накоплением капитала уже не осуществляется (или осуществляется не только) через посредство товаров. В когнитивном капитализме производятся уже не столько товары, сколько живое, жизни, тела, органы, а также формы жизни. Невоплощенность может в таком случае пониматься как признак перехода от производства товаров к воспроизводству биологической и социальной жизни. В свете этого невоплощенность не означает дематериализацию. Напротив, когнитивному капитализму присуща глубокая вещественность, вещественность жизни и ее производства.

В этой новой фазе капитализма отношение между сферой производства знаний и сферой производства товаров, характерное для промышленного капитализма, претерпевает значительные изменения. Сфера производства знаний начинает прямо подчиняться капиталу. Гипотеза когнитивного капитализма имеет в виду именно этот исторический разрыв: капитал подчиняет себе науку уже не просто формально, чтобы она

¹³ E. Rullani, “Production de connaissance et valeur dans le postfordisme”, интервью с А. Корсани, *Multitudes* 2 (2000). См. тж.: А. Corsani, “Le capitalisme cognitif: les impasses de l’économie politique”, in C. Vercellone (dir.), *Sommes-nous sortis du capitalisme industriel?* La Dispute, 2003.

лишь соответствовала его логике накопления, законам роста его стоимости внутри фабричной системы и в процессе производства товаров товарами. Повышение стоимости капитала теперь нацеливается на сферу производства знаний. Эта мутация влечет за собой ряд последствий. Прежде всего, развеиваются последние малейшие иллюзии об автономии науки (от капитала). Теперь в пору говорить о *биотехнонауке*, стирающей грани между наукой и политикой, наукой и обществом, наукой и культурой. Отношения «знание-сила» (Фуко), являющиеся сущностью научной практики, сегодня оказываются тесно связанными с самими отношениями производства и конфликтами, их пронизывающими.

Технологии, лежащие в основе нового капитализма, — это технологии генетические, био-, а также коммуникационные технологии, технологии видения и восприятия, и информационные технологии образуют с биотехнологиями различные гибридные формы. Метафора «киборг» прекрасно выражает эту гибридную связь: «киборг» — это кибернетический организм, продукт слияния органического и технического, плод различных исторических и культурных практик¹⁴. В этом смысле следует говорить о «биотехнонауке», которая реально (а не только формально) подчиняется капиталу при когнитивном капитализме.

Биотехнологии, здоровье, культура, образование, коммуникации лежат отныне в основе динамики экономики. Удельный вес этих секторов в глобальной экономике стремительно растет, и они привлекают наиболее значительные массы капитала¹⁵. В этих традиционно общественных секторах сегодня наблюдается процесс приватизации и концентрации: к проблеме частной собственности на средства производства добавляется вопрос о частной собственности на «средства жизни». Все эти новые «индустрии» здоровья, персональных услуг, «care», т. наз. «телесные индустрии», индустрия коммуникаций и развлечений — все они определяют лицо когнитивного капитализма.

В когнитивном капитализме трудовые конфликты (по поводу условий труда, распределения, социальных прав) разворачиваются параллельно с конфликтами по поводу того, что производится и что следует произво-

¹⁴ Donna Haraway, *Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature*, Routledge 1991.

¹⁵ «Расходы на здравоохранение, образование, досуг и организацию быт и «заботы» неуклонно растут в течение последнего века. Особенно это ясно в США, при том, что коллективные механизмы покрытия этих потребностей находятся в эмбриональном состоянии. В Европе возникновение этой модели (которую можно назвать антропогенной) проявляется в тех финансовых проблемах, с которыми сталкиваются различные системы социальной защиты (здравоохранение, пенсии...) и образования. То, что истолковывается как знак плохого управления, должно пониматься как свидетельство воздействия этой модели производства человека человеком. Жаль, что заданный уровень дискуссии не позволяет вскрыть этот мощный фактор, влияющий как на различные формы капитализма, так и на беднейшие экономики, для которых доступ к системам здравоохранения и образования образует подлинный рычаг для развития», R. Boyer, «Aux sources de la croissance, l'exemple américain», *Cahiers Français* 323 (2004).

дять, т. е. касаются уже не просто трудовых отношений, но самого производственного выбора (наиболее явно это касается, например, военной, химической промышленности, биотехнологии, фармацевтики, но и культурной индустрии). В новых условиях капиталистическое производство сдвигается в сторону сферы воспроизводства, биологического и социального. Поскольку труд теперь более непосредственно направлен на жизнь и ее формы, конфликты с неизбежностью разыгрываются вокруг самого смысла труда. Речь идет не просто о доступе к знаниям, а, скорее, об ориентации биотехнонауки. Вопросание об объективности и нейтральном характере науки, так же, как и этические вопросы, потрясают основания установившегося порядка особенно в глазах тех, кто полагал, что живет в своем изолированном мире: в мире науки и высшего образования, в мире культуры и мире *ойкоса*. Не случайно во Франции начало нашего века было отмечено двумя мощными социальными движениями: ученых и работников зрелищных искусства¹⁶.

II. К критической теории когнитивного капитализма

Исследования вокруг гипотезы когнитивного капитализма подчеркивают ту принципиальную роль, которую сыграл кризис модели роста и фордистских трудовых отношений в переходе к новейшему капитализму. Мне представляется полезным понять этот кризис как кризис кейнсианства.

Капиталистическая экономика всегда была либеральной, т. е. организационным и регулирующим принципом выступал в ней свободный рынок. Кейнс, как он сам часто заявлял, также был либералом, однако для него не было секретом и возможное разрушительное влияние рынка на общество: согласно кейнсианской концепции, управлять необходи-

¹⁶ 'Работники зрелищных искусств', *intermittents du spectacle* — особый профессиональный статус, специфичный для французского социо-институционального контекста и оформленный на пересечении трудового и социального законодательств. Не будучи ни классическими служащими на окладе, ни «фри-ланс», работники зрелищных искусств — это работники с переменной занятостью, иногда сразу у нескольких работодателей, с варьирующимся в зависимости от проектов вознаграждением. Они могут наниматься по контрактам, отличающимся от классических. В современном виде статус существует с 1969 г. Он присваивается артисту, отработавшему в предыдущем году 507 рабочих часов, и позволяет ему получать стипендию между периодами работы, будь то концерты, спектакли или съемки. Он дает право на специфическое пособие по безработице, достаточно гибкое, чтобы гарантировать стабильный доход при принципиальной прерывистости занятости. Финансирование обеспечивается по принципу межпрофессиональной солидарности. Для огромного числа таких работников этот статус был спасением не только от нищеты, но и средством свободно выбирать интересующие их проекты и автономно распоряжаться разнообразными жизненными темпоральностями. Более подробно мы (совместно с М. Лацарато) рассмотрим проблематику этой категории трудящихся в книге, которая выйдет в 2008 г. в издательстве Amsterdam.

мо по причине самого существования рынка. Неолиберальная политика, складывающаяся к 1980-м гг., отнюдь не вдохновляется либеральными идеями XVIII и XIX веков, не пытается вернуться к либеральной концепции «laissez-faire» (невмешательства), преобладавшей вплоть до Кейнса, а представляет собой радикально новый концепт. Неолиберализм — это больше, чем свобода рынка, это «форма, при которой обществом управляет экономика», согласно оригинальной трактовке либеральной мысли, которую предложил Мишель Фуко¹⁷.

Моя гипотеза состоит в том, что с конца семидесятых годов экономическая и социальная политики, осуществляющие новую либеральную концепцию, участвуют в историческом переломе в развитии капитализма и способствуют появлению того, что мы называем, за неимением лучшего, когнитивным капитализмом. Я попытаюсь уточнить эту гипотезу, дав сначала характеристику неолиберальному повороту, чтобы затем показать влияние неолиберальной политики на сферы воспроизводства, труда и знания.

Фрибуржская школа неолиберализма: «приватизация» коллективного потребления и «индивидуализация» социальной политики

В лекциях 1978—79 гг. Фуко предлагает курс об истории либерального дискурса от его зарождения в XVIII веке до начала 1970-х годов. Фуко видит в либерализме, скорее, «технику управления», чем экономическую или политическую доктрину. Под управлением здесь понимается «деятельность, состоящая в управлении поведением людей в государственных рамках и с помощью государственных рычагов»¹⁸. Перед политической экономией, отмечает Фуко, встает проблема ограничения политической власти. Политэкономия зарождается в середине XVIII в. как интеллектуальное орудие, определяющее критерии расчета и рациональности вообще, и таким образом предписывающее управляющему разуму его собственные границы. В некотором смысле она заменяет право, которое до сих пор ограничивало, правда, лишь внешне, власть монарха. Однако объект политэкономии определяется двусмысленно: область политэкономии включает в себя как анализ производства и обращения благ, так и методы управления, способные обеспечить богатство нации. Фуко напоминает, что именно в статье «Политическая Экономия», написанной Ж.-Ж. Руссо для Энциклопедии Дидро, можно найти ясное определение политэкономии: как общего анализа власти (ее организации, распределения и разделения). Однако, уточняет Фуко, в политэкономии речь идет не о том, что оправдывает практику управления, а о самой этой практике и ее последствиях.

¹⁷ M. Foucault, *Naissance de la biopolitique*, Cours au Collège de France 1978—79, Gallimard 2004.

¹⁸ M. Foucault, *Naissance de la biopolitique*, p. 324.

В XVIII и XIX вв. «натуралистическая» концепция преобладает: политэкономия видит в рынке выражение законов природы. Одним таким естественным законом является, например, перемещение «производственных факторов» в сферы наибольшей прибыли. «Законы рынка» мыслятся, таким образом, как «природные факты». Можно упомянуть также «природную склонность к обмену» А. Смита. Принцип «laissez-faire» становится преобладающим и начинает определять практику управления согласно закону следования природе. Экономистам поручается выявление законов, которые должно соблюдать государство. Принцип «laissez-faire» преследует цель: «больше государства (т. е. более мощное государство) и меньше управления». Свобода рынка должна служить как пределом правительственного вмешательства, так и доказательством мощи государства.

Рынок рассматривается здесь как обмен, как место установления соответствий. «Истинную ценность» товаров определяет беспрепятственная торговля, подчиняющаяся законам природы. «Настоящая цена» формируется при помощи «естественных» рыночных механизмов. К тому же цены выступают мерой политики управления, а, значит, мерой полезной стоимости правительства и его действий в условиях рыночной экономики. Поэтому, отмечает Фуко, речь идет, скорее, о «натурализме», чем о либерализме. Свободный рынок, о котором говорят либералы, имеет дело со «спонтанностью» экономических механизмов. Чтобы могли действовать натуральные, спонтанные рыночные механизмы, вмешательство государства должно идти в том же направлении, что и производство свободы. Фуко замечает, однако, что свобода формируется каждую минуту и влечет издержки. Он дает кейнсианской политике следующую интерпретацию: это «инфляция» вмешательств, гарантирующих свободу рынка¹⁹ (а также свободу от того, в чем виделись две основные угрозы человечеству: фашизм и коммунизм), и «инфляция» компенсаторных механизмов, призванных составить противовес свободам.

Кризис кейнсианства в 1970-е годы — это кризис либерализма. Неолиберальная политика знаменует собой радикальное нововведение, ибо, как считает Фуко, неолиберализм подготавливает переворот в отношениях между экономикой и обществом. Теперь само общество будет производиться по законам экономики, согласно экономической рациональности с тем, чтобы отменить социальную иррациональность капитализма, как предлагала Фрибуржская школа уже в сороковые годы²⁰. Другими словами, ставилась задача подчинить все общество логи-

¹⁹ Поскольку безработица является фактором, ограничивающим свободу труда и потребления, умножение и распространение мер государственного вмешательства в занятость было призвано гарантировать свободы, необходимые для функционирования рынка.

²⁰ Фуко в своих лекциях уделяет Фрибуржской школе немалое место. Он подчеркивает теоретическое противостояние между ней и Франкфуртской школой, при том, что обе исходили из проблематики «рациональной иррациональности» капи-

ке и критериям рациональности (или рентабельности), действующим в экономике.

Уточним, в чем именно неолиберальная мысль представляет собой поворот в либеральной мысли. Фуко датирует этот поворот как раз дискуссией, развернувшейся во Фрибуржской школе в конце сороковых годов. С этого момента и по сегодняшний день либерализм, утверждает Фуко, ставит себе другие проблемы по сравнению с теми, которыми занимался классический либерализм. В классическом либерализме главной проблемой было,

как выделить пространство для рынка внутри данного политического общества. Неолиберализм же задался, напротив, вопросом, как осуществлять целокупную политическую власть по принципам рыночной экономики. Речь идет, таким образом, уже не о том, чтобы высвободить пространство, но чтобы перенести, спроецировать на искусство общего управления формальные принципы рыночной экономики²¹.

Этот переворот начинается с некоторого числа концептуальных трансформаций, первая и главная из которых заключается в “разладе [dissociation] между рыночной экономикой, экономическим принципом рынка и политическим принципом *laissez-faire*” (там же).

Уже в либеральной мысли XIX века с ее теорией чистой и идеальной конкуренции сущность рынка виделась не в обмене, а в конкуренции. Принципом рынка, следовательно, является уже не эквивалентность, а неравенство. Однако на базе «натуралистической» концепции либерализм XIX (как и XVIII) века выводит из принципа рынка (понятого как обмен или как конкуренция) необходимость *laissez-faire*. Новизна неолиберализма, таким образом, состоит в пересмотре «натуралистической наивности»: рынок подчиняется не законам природы, он не возникает самопроизвольно. Механизмы конкуренции не подчиняются стихийному порядку, который государство должно соблюдать как природную данность. Чистая конкуренция — это цель, и для ее достижения необходимо проведение «бесконечно активной» политики. Таким образом, речь идет не столько о развитии критики реализма в соответствии с гипотезами модели чистой и идеальной конкуренции (атомичность, однородность продукции, прозрачность информации, свободный доступ к рынку, свободное движение факторов производства), сколько о том, чтобы понять нормативную основу такой модели: она позволяет определить, какие действия правительства необходимы, чтобы подчинить конкурентной модели рынка все общество. Неолиберализм не основан на *laissez-faire*: “Свобода рынка, — писал Ропке, — требует активной и очень бдительной

тализма. Франкфуртская школа, в отличие от Фрибуржской, ставила целью определить новую *социальную* рациональность, которая могла бы отменить экономическую иррациональность.

²¹ M. Foucault, *Naissance de la biopolitique*, p. 137.

политики”²². Фуко цитирует затем важную фразу Микша: “Может стать, что при либеральной политике число экономических вмешательств будет таким же, как и при политике плановой, но природа их при этом будет различной”²³. А у Ойкена находим уточнение этих различий: “Вмешиваться нужно не в механизмы рыночной экономики, а в условия рынка”²⁴. Управлять нужно не *из-за* существования рынка, а *для* него, чтобы сделать возможным его существование, чтобы он мог играть свою регулирующую роль, и чтобы он мог стать, наконец, принципом политической рациональности. «Вмешиваться в условия рынка» означает, что правительство не должно вмешиваться в последствия рынка, не должно их исправлять (политикой общего блага), но что оно должно воздействовать на само общество и поэтому должно быть “руководством не экономикой, а обществом”. Однако, добавляет Фуко, мы имеем дело не с рыночным обществом, а с обществом, “подчиненным динамике конкуренции (...). Речь идет о превращении рынка, конкуренции, и, следовательно, предприятия, фирмы в то, что можно назвать формообразующей силой общества”. Общество будет отныне формализовано по модели предприятия. Наконец, согласно фукодианскому толкованию либеральной мысли, “целью неолиберальной политики является именно умножение, размножение модели предприятия внутри общественного тела”²⁵. Вмешательство приобретет, таким образом, не экономический, а юридический характер. Европейское строительство, прежде всего, в области экономики показательно в смысле неолиберальной ориентации своей политики.

Подобное прочтение немецкого неолиберализма позволяет лучше понять, какого рода теории оказывают в последние два десятилетия влияние на европейскую социальную политику (получившую во Франции новый импульс в последние годы, когда национальный союз предпринимателей предложил проект «Перестройки социальной сферы»). Неолиберальная социальная политика не может иметь целью равенство (ибо, следуя принципу конкуренции, компенсационное вмешательство не способствует нормальному функционированию регуляционных механизмов дифференциации). Вопрос ставится не о том, чтобы социализировать потребление (развитие коллективного потребления в таких областях, как здравоохранение, образование, культура) и доходы (дотационная политика), а, наоборот, об их «приватизации». С 70-х гг. в западных экономиках переворачивание отношений между экономикой и обществом начинает постепенно ориентировать социальную политику и приводит к тому, что сферы традиционного государственного вмешательства в области потребления и коллективного инвестирования (здра-

²² W. Ropke, *Die Gesellschaftskrisis der Gegenwart*, 1942; переиздание фр. перевода: *La crise de notre temps*, Payot 1962, p.128.

²³ L. Miksch, “Die Geldschöpfung in der Gleichgewichtstheorie”, *Ordo* II (1949) p. 327.

²⁴ W. Eucken, *Grundsätze der Wirtschaftspolitik*, 1952, p. 336

²⁵ M. Foucault, *Naissance de la biopolitique*, p. 151–4.

вохранение, информация, культура, образование, наука) превращаются в сферы, подчиненные экономической логике и рациональности конкурентных рынков. Именно здравоохранение, информация, культура, образование и исследовательская деятельность лежат в основе нового капитализма.

Вместе с подчинением логике предприятия и конкуренции отраслей, имеющих прямое отношение к «воспроизводству биологической и социальной жизни», социальная защита также постепенно ориентируется на неолиберальные принципы индивидуализации социальной политики, а именно: «если следовать неолиберальной логике, социальная политика должна будет стать такой политикой, инструментом которой будет не перемещение доходов из одного места в другое в виде дотаций, но общая капитализация всех общественных классов»²⁶. Такая доктрина социальной политики легла в основу реформ системы пособий по безработице: пересмотр пунктов 8 и 10 «Общего положения о страховании по безработице» может служить наглядной тому иллюстрацией²⁷.

Неолиберальная социальная политика переворачивает вспять историческую тенденцию, отмеченную социальной историей и борьбой за социальные права: с развитием коллективного потребления и системы социальных дотаций «воспроизводство» выводилось из сферы трудового принуждения и рыночных рисков. Именно эта автономизация социальной сферы (явившаяся некогда важным завоеванием кейнсианской политики) и составляет для неолибералов социальную иррациональность: отныне они стремятся ее исключить, вернув в общество экономическую рациональность.

Если с неолиберальной точки зрения только рост (прирост) может гарантировать каждому индивидуальное покрытие его рисков (пропорционально с его инвестициями), то в моделях эндогенного роста²⁸ этот последний зиждется на инвестициях в знания и человеческий капитал. Однако эти модели исходят из того, что в отсутствие системы принуждения ничто не сможет гарантировать, что люди будут эффективно, с экономической точки зрения, использовать свое время и ресурсы. Так открывается простор для вмешательства в действия людей, простор для того, что Фуко назвал управлением поведением.

²⁶ M. Foucault, *Naissance de la biopolitique*, p. 149.

²⁷ A. Corsani, M. Lazzarato & J. Oliveau, *Intermittents du spectacle, du cinéma et de l'audiovisuel: les annexes 8 et 10, cas particulier d'une problématique plus générale. Comment financer la protection sociale dans le cadre de la discontinuité de l'emploi*, Premier rapport général, juillet 2005 и Rapport novembre 2005.

²⁸ Модели эндогенного роста суть результат размышлений над т. наз. «остатком Солоу»: если пытаться объяснить рост одними только факторами капитала и труда, в результате получается некоторый остаток, достигаемый благодаря «техническому прогрессу». Он не приходит извне, но производится самим ростом. Поэтому связь между знанием и капиталом, накоплением знаний и накоплением капитала анализируется как внутренне присущая динамике роста.

Американский неолиберализм является частью либеральной традиции, восходящей к временам окончания гражданской войны. Эта традиция сильно отличается от либерализма европейского. «В Америке либерализм — это способ существования и мышления, а также нечто вроде утопического очага, который постоянно разгорается вновь»²⁹. Фуко замечает, что в либерализме находит свое выражение критика как справа, так и слева: справа — за все, что в плановых моделях экономики напоминает социализм; слева — за все, что есть в государстве от империализма и милитаристского духа.

Чтобы уяснить себе особенности американского неолиберализма, необходимо вернуться к ключевой эпистемологической мутации тридцатых годов, когда изменилось как поле, так и предмет экономического анализа. Эти мутации заметны уже в работах австрийского экономиста Людвиг фон Мизеса, для которого экономика выступает «наукой о человеческой деятельности». Эпистемологический сдвиг еще явственнее обнаруживается в определении, данном английским экономистом Лайонелом Роббинсом: «Экономика — это наука о человеческом поведении как отношении между целями и ‘редкими’ средствами, которые могут быть использованы различными взаимоисключающими способами»³⁰. В свете этого сдвига, на котором основан весь американский неолиберализм, проясняется понятие человеческого капитала³¹. Действительно, предмет экономического анализа выступает уже не процесс производства или накопления капитала, не оптимальное распределение ресурсов, а рациональное поведение человека. Этот эпистемологический сдвиг имел одним из своих важных результатов то, что поле экономической деятельности распространилось на всю сферу гуманитарных и социальных наук. Любое поведение человека, независимо от того, связано ли оно с экономикой, должно теперь быть подвергнуто экономическому анализу: семья, сексуальность, материнство, забота о ближнем, преступность...

В рамках американского неолиберализма экономическая теория труда становится теорией субъективного поведения работника³². Зачем он работает? Как использует свои ресурсы? Каковы эти ресурсы? Что он делает для их увеличения? Именно с подобных вопросов и начинается создание теории человеческого капитала.

²⁹ M. Foucault, *Naissance de la biopolitique*, p. 224.

³⁰ L. Robbins, *Essay on the Nature and Significance of Economic Science*, 1932.

³¹ С новыми представлениями о человеке как человеческом капитале Фуко связывает политические проблемы, возникшие вокруг генетики: они ставятся, по Фуко, «в терминах роста, накопления и совершенствования человеческого капитала», M. Foucault, *Naissance de la biopolitique*, p. 235.

³² Th. Schultz, *Capital Formation by Education*, 1960; *Investment in Human Capital*, 1961; G. Becker, *Human Capital, A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*, 1964.

Теоретики неолиберализма исходят из того, что конечной целью всякого труда — самого факта, что человек выбирает, или решает, трудиться — является получение зарплаты (дохода). Разумеется, при таком взгляде обходятся молчанием исторические условия, при которых система заработной платы была навязана в качестве необходимости, как условие для доступа к деньгам и, следовательно, для обретения средств к существованию. Доход — то, что здесь рассматривается как цель и смысл труда, — определяется как продукт капитала, и, соответственно, капитал — как то, что может приносить доход. Но в нашем случае речь идет о капитале, наделенном двумя особыми свойствами: он состоит из знаний («знать»), навыков («уметь») и способностей («уметь-быть») и неотделим от личности. Это и есть так называемый человеческий капитал. По мнению неолиберальных теоретиков, такие ресурсы должны расти качественно и количественно, если ставится задача повышения их стоимости на конкурентном рынке труда. Поэтому создание человеческого капитала требует экономической рациональности, а также вложений в сферу образования, если человек принимает индивидуальный выбор вкладывать в развитие собственного «человеческого капитала»³³. Именно это и имел в виду Фуко, когда говорил о том, что *homo oeconomicus* превращается в «своего собственного предпринимателя» [entrepreneur de lui-même] в «обществе-предприятии».

Претензии этих теорий на универсальность недооценивают сложность поведения и субъективных установок человека. Любое поведение, не вписывающееся в логику «капитализации своего я», должно быть приведено к рациональным нормам человеческого капитала. Так теория человеческого капитала, перенятая моделями эндогенного роста, приходит к осознанию необходимости государственного вмешательства. Нарращивание человеческого капитала является условием экономического роста. Согласно этой теории, люди могут делать «неоптимальный» выбор в выделении времени на образование, и тогда необходимы меры, стимулирующие и направляющие ход образования, не говоря уже о собственно побуждении к образованию.

Таким образом, в перспективе, открытой американским неолиберализмом, вся образовательная система равняется на экономику и оценивается по критериям экономической рентабельности. «Управление поведением», о котором говорит Фуко, в данном случае выражается в стимулировании (а точнее, в принуждении) к образованию, ориентированному на нужды общества-предприятия. Человек, рассматриваемый как капитал, полностью подчиняется логике предприятия и кон-

³³ Критика такой позиции предпринималась и внутри либеральной теории. К. Эрроу считает, что система образования не приносит увеличения знаний, а служит (весьма дорогостоящим) фильтром отбора, К. Arrow, "Higher Education as a Filter", *Journal of Public Economics* 2 (1973).

курении. Миф об обществе знания и свободной кооперации, ориентированном на общие ценности и «устойчивое развитие», окончательно развеивается.

Права на интеллектуальную собственность: произвести редкое в мире изобилия

Другой вопрос, который ставится в неолиберальной политике: юридические механизмы защиты интеллектуальной собственности. Со строго аналитической точки зрения, знание не отвечает законам рынка, не составляет товара. Его рыночная стоимость не может поэтому иметь какую-то внутреннюю природу, но является производной от юридической системы, законов права. То, что знание не является обычным продуктом, экономической теории известно по меньшей мере с 1930-х годов. Но уже в работах Джона Б. Кларка мы можем найти интересные размышления на этот счет. В своей *The Philosophy of Wealth* (1885) он утверждал, что знание, в отличие от товаров, не подчиняется закону убывающей прибыли, а также отмечал расширение движения добровольной кооперации, коллективного использования «неприсваиваемых» благ, таких как произведения искусства. Эта добровольная кооперация и распространенное «использование» таких неприсваиваемых благ рассматривалось тогда как источник прогресса. Спустя столетие, в 1962 г., К. Эрроу отмечал, что в экономическую науку трудно включить специфику изобретения, ибо речь здесь идет о «неделимом», «неприсваиваемом» в исключительное пользование ресурсе, который обретает в силу этого статус общественного блага³⁴.

Однако знания и изобретения отличаются, причем радикально, от материальных благ³⁵. Последние, в отличие от первых, можно трогать, присваивать, обменивать, потреблять. «Неприсваиваемый» означает, что знание, усвоенное тем, кто его получил, не становится от этого его исключительной собственностью и не убывает от использования. В этой неприсваиваемости знание обретает даже свой смысл, свою легитимацию. Только материальные товары могут быть индивидуально присвоены, потому что их потребление разрушит их, что приводит к невозможности их использования другими. Это «блага-соперники»: обладание ими вызывает противостояние тех, кто на них претендует. Они могут быть только «моими или твоими», и попытка обобществить их систематически срывается, в силу особой природы рассматриваемого объекта. Знание же нельзя обменять по причине его неделимости и неприсваиваемости. В ситуации экономического обмена каждый может извлечь выгоду, но только расставаясь с тем, что владеет. При обмене знаниями тот, кто их передает, не теряет их; социализируя их, он от них не избавляет-

³⁴ K. Arrow, "Economic welfare and the allocations resources for inventions" (1962), in R. Nelson (ed.), *The Rate and Direction of Activity: Economic and Social Factors*, Princeton UP.

³⁵ M. Lazzarato, *Puissance de l'invention*, Les Empêcheurs de penser en rond 2002.

ся. Наоборот, их ценность возрастает по мере того, как они распространяются и усваиваются другими. Понятие обмена не выражает поэтому в полной мере смысла передачи знаний. Строго говоря, знание не может потребляться, т. к. его «потребление» не деструктивно. Напротив, оно приводит к созданию других знаний, которые могут, в свою очередь, распространяться в большем или меньшем масштабе: обращение становится основным моментом процесса производства.

Знания являются благами *общими*, скорее, чем «общественными». Общие блага не только неприсваиваемы, неделимы, подобно благам коллективным, таким как вода, воздух, природа: понятие общего отсылает к общению, отношению. Знание есть продукт отношения, оно не существует вне передачи и со-общения. Являясь общими благами, знания обладают одним замечательным свойством: они ускользают от логики редкости и экономического расчета, потому что, даже если их можно накапливать, заменять другими и разрушать, как товары, они подчиняются тем не менее другим законам. Только некоторая произвольная власть — например, режим интеллектуальной собственности — может воспрепятствовать общественному использованию знаний. Эта произвольная власть искусственно вводит принцип редкости, эффект которого антипродуктивен, ибо подавляет творческий характер коллективной связи и распространения знаний.

Учитывая эту специфику, говорить об *экономике знания* представляется апорией. Ибо знания антиэкономичны:

Экономика знания призвана быть экономикой обобществления и бесплатности; она есть полная противоположность экономики. Именно эту форму коммунизма она естественным образом принимает в научной среде. «Стоимость» знания измеряется не деньгами, но интересом, который это знание вызывает, распространением, которое оно получает. Следовательно, в основе капиталистической экономики знания находится антиэкономика, в которой нет места «товару», «товарообмену», «обогащению».³⁶

Однако, как это ни парадоксально, в то время как политическая экономика, как никогда, настаивает на роли знаний в экономическом росте; в то время как политический дискурс объявляет своей приоритетной задачей создание «общества знания», — именно в это время количество патентов и других элементов интеллектуальной собственности стремительно и неуклонно растет, а юридическая система умножает свои механизмы контроля. Теоретическое обоснование это положение дел получает в моделях эндогенного роста, построенных на основе новаторской модели Пола Ромера (1990): на чисто конкурентно (т. е. без обеспеченной законом защиты временной монополии на инновативные изобретения) построенном рынке никто не станет производить знания. Следовательно, государству выпадает роль создателя инструментов принуждения: права

³⁶ Интервью с А. Gorz, “L’écologie, une éthique de la libération”, *Ecorev* 21 (2005–6).

на интеллектуальную собственность, которые обеспечивают «монопольную ренту», и являются таким принудительным толчком. Либеральная экономика, призывающая государство вмешаться? Парадокс здесь только кажущийся. Неолиберализм требует создания юридической охраны конкурентного рынка, который сам по себе, в природе, не существует: как я уже отмечала, либерализм неолибералов уже не натуралистичен. Неолиберализм прибегает к большому числу разнообразных механизмов создания рынка и общества предприятий, состоящих друг с другом в отношениях конкуренции.

Тем более это касается знания. Его неотъемлемая характеристика как общественного и общего блага противоречит сути конкурентного рынка, управляемого отношениями неравенства, и обязывают создавать механизмы (систему интеллектуальной собственности), позволяющие существовать конкурентному рынку. Иначе говоря, еще менее того «в природе» может существовать рынок знаний, т. е. того, что по природе не является ни товарами, ни «редкими» благами, но государство может создать такой рынок своими юридическими актами.

Развитие и распространение бесплатных программ, технологий *peer to peer*, по аналогии с борьбой за свободный доступ к тритерапии, которая ведется в ряде южных стран, являются лишь некоторыми яркими примерами новой природы конфликтов, пронизывающих когнитивный капитализм.

Я позволю себе резюмировать содержание этой статьи в *трех* положениях, касающихся когнитивного капитализма.

Первое. когнитивный капитализм соответствует этапу, который, перефразируя Маркса, можно назвать этапом реального подчинения биотехнонауки капиталу. Неологизмом «биотехнонаука» я попыталась прежде всего передать, что категориальное разделение между наукой и обществом, между наукой и культурой, между наукой и политикой теряет свою четкость и что меняется сам способ «заниматься наукой»³⁷.

Второе положение касается природы знания, свойственного современному капитализму. Центральное положение науки — для капитализма не новинка, но на новой его фазе, которую мы называли когнитивной, это уже не те знания, которые относятся к ансамблю «человек и его орудия труда» (что составляло основу капитализма промышленного). Знания, задействованные в когнитивном капитализме, касаются биологического и социального воспроизводства жизни. Сама жизнь оказывается вовлеченной в производственный цикл. К напряжению и конфликтам вокруг труда в промышленном капитализме добавляются в когнитивном

³⁷ Как следует из анализа биолога и специалиста по истории научных знаний Донны Херэуэй, начиная с 1970-х гг., технонаука все чаще проникает в политику и технику, природное и социальное, что оказывает существенное влияние на практику научной объективности: D. Haraway, *Modest-Witness, Second-Millennium: Femaleman Meets Oncomouse: Feminism and Technoscience*, Routledge, 1997.

капитализме напряжение и конфликты, направленные на обеспечение т. наз. устойчивого развития³⁸.

Отсюда мое *третье* положение. Гипотеза когнитивного капитализма отражает новый тип отношений между наукой, капиталом и жизнью, который должен рассматриваться двояко: как на уровне логики капитала и способов его накопления, так и на уровне мутаций капитализма, обусловленных неолиберальной политикой в сферах интеллектуальной собственности, образования, социальной политики и занятости.

Неолиберальная логика состоит вовсе не в отсутствии государственного вмешательства, а в изменении его характера. Модели эндогенного роста и их политическая поддержка наглядно иллюстрируют новую природу государственного вмешательства, где знанию отводится ключевое место. К этому я добавлю, что анализ неолиберальной концепции рынка, социальной политики и труда проливает свет на отношения капитал—жизнь в когнитивном капитализме. В нем демократическая проблема тесно связана с этической, и перед нами встает вопрос: как вписать биотехнонауку в проекты, нацеленные не на повышение конкурентоспособности, а на «устойчивое развитие»?

Перевод Людмилы Фирсовой

³⁸ A. P. Orozco, “La economía de icebergs, trabajos e (in)visibilidades”, in *Transformaciones del trabajo desde una perspectiva feminista*, Tierradenadie Ediciones 2006.